

**МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА**

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выпуск пятнадцатый

**ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
И СЕМЕЙНАЯ
ПОЛИТИКА**

**Москва
МАКС Пресс
2008**

Королева М.В., Сеница А.Л.

Нравственно-религиозные основы семейной политики Российской империи начала XX века

*Если мы живем духом,
то по духу и поступать должны.*
(Гал. 5, 25)

Введение

Декреты «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» от 18 декабря 1917 г. и «О расторжении брака» от 19 декабря 1917 г. ознаменовали собой начало новой эпохи в отечественной семейной политике. Основное изменение состояло в отстранении Церкви от решения вопросов заключения и расторжения браков и ведения книг состояния и передача этих функций государству.

Как известно, основа семейной политики любого государства – это закон, правовые нормы. Однако, «отношения семейные, т.е. супружеские и родственные, по натуре своей физико-нравственного свойства, и возникают, равно как и существуют, помимо всякого права»⁵⁴, поэтому регулирование брачно-семейных отношений сложно уже в силу двойной природы брака – нематериальной и материальной его сторон. В дореволюционной России эти области были поделены между Церковью и государством.

Семейное право дореволюционной России прошло долгий путь развития и выросло из русского обычного права, византийских светских законов, церковного права и европейского законодательства.

В статье мы попытаемся сравнить доли участия Церкви и государства в семейной политике Российской империи начала XX в.; выявить принципы семейной политики того времени, какие меры принимались

⁵⁴ Заозерский Н.А. Право Православной грековосточной русской церкви как предмет специальной юридической науки. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1888. С. 33.

государством и Церковью для решения поставленных задач; определить, достигала ли семейная политика в царской России своих целей.

История вопроса

В XIX – начале XX в. вопросами семейной политики интересовались ученые-правоведы, историки, философы, писатели, церковные, общественные и государственные деятели: А.И. Загорский, М.Ф. Владимирский-Буданов, С.В. Пахман, К.А. Неволин, Д.И. Мейер, К.П. Победоносцев, В.И. Сергеевич, В.И. Синайский, Г.Ф. Шершеневич, А.Д. Способин, С.П. Григорьевский, А.Л. Боровиковский, Л.Н. Толстой, В.В. Розанов, И.В. Гессен, Н.С. Суворов, А.А. Дернов, Е.Е. Голубинский, Н.Л. Дювернуа, Л.И. Петражицкий и многие другие. Большой исторический материал был накоплен Н.М. Карамзиным, М.М. Щербатовым, В.О. Ключевским, С.М. Соловьевым, И.Е. Забелиным, М.М. Богословским.

В советское время интерес к брачно-семейному законодательству Российской империи, конечно же, упал, т.к. оно строилось на понятиях, принципиально отличных от утопических идей о семье и браке. Теоретики марксизма-ленинизма опирались на работы Платона, Т. Мора, Т. Кампанеллы, Р. Оуэна, Ш. Фурье, А. Бебеля, Д. Вераса, К.А. де Сен-Симона, в которых вопросам семьи в будущем идеальном обществе уделялось большое внимание.

В этот период к исследованию семьи до революции 1917 г. ученые подходили в основном с этнографических либо с чисто исторических позиций, занимаясь типологией древнерусской семьи и проблемами определения статуса супругов. Имеются в виду работы Б.А. Рыбакова, Б.Д. Грекова, И.Я. Фроянова, С.В. Юшкова, В.Л. Янина.

Современные исследователи, как правило, рассматривают большие исторические периоды в развитии института брака в России. В последние годы появился ряд работ и учебных пособий, посвященных право-

вому регулированию семейных отношений в досоветской России, в которых рассматривается период конца XIX – начала XX в. Тем не менее, несмотря на наличие трудов А.М. Нечаевой, М.В. Антокольской, Н.С. Нижник, А.Ю. Колинко, этот период остается одним из наименее разработанных.

Демографы также уделяют мало внимания⁵⁵ семейной и демографической политике дореволюционной России начала XX в., их интересуют исключительно вопросы брачности, рождаемости, смертности, реже – миграции населения. Семейной политикой данного периода сейчас занимаются прежде всего историки и даже математики: Б.Н. Миронов, Ю.М. Гончаров, С.А. Нефедов.

Государство и Церковь

Чтобы составить представление о семейной политике Российской империи начала XX в. следует сперва рассмотреть, каким установлением подчинялась жизнь дореволюционной семьи. Каковы были доли участия Церкви и государства в семейной политике, кто брал на себя главную функцию регулирования норм семейного права? И сильно ли отличался закон от применения его на практике, исполнялся ли он?

Под семейной политикой обычно подразумевается комплекс мер, направленных на поддержку и защиту семьи, создание условий для реализации ее функций. Однако важно отметить, что при обращении к семейной политике дореволюционной России мы не можем использовать это понятие современной науки, не расширив его: семейная политика в то время также была нацелена на сохранение традиционных семейных ценностей, исторически сложившихся условий жизни семьи, ее автономности (независимости семьи от государства).

⁵⁵ Например, в кн. «Демографическая модернизация России: 1900-2000» под редакцией Анатолия Вишневского (М.: Новое издательство, 2006) лишь мельком вводятся вопросы дореволюционной семейной политики, а основное внимание уделено брачности и другим чисто демографическим аспектам.

В статье мы будем в первую очередь опираться на издание «Свода законов Российской империи» (далее «Свод»)⁵⁶, куда в X том – «Свод законов гражданских» – вошло семейное право, а в добавленный позже⁵⁷ XVI том – гражданское судопроизводство. Первое издание «Свода» в пятнадцати томах вышло в 1832 г. под редакцией М.М. Сперанского, туда были сведены все нормы, извлеченные из ранее действовавших актов. Хотя «Свод» был создан для удобства, он получил высочайшую конфирмацию и тем самым приобрел статус закона⁵⁸. До 1832 г. специального кодекса гражданского права в России не было. Издание «Свода», регулярно дополнявшегося новыми нормами, оставалось главным источником гражданского права вплоть до конца правления Николая II⁵⁹.

Согласно закону, в Российской империи гарантировалась свобода вероисповедания (I, ст. 67, 81; X, ст. 90)⁶⁰, тем не менее *основной религией было православие* (т. I, ст. 62). Императором могло быть лицо *только православного исповедания* (I, ст. 63), и он являлся *верховным защитником и хранителем догматов господствующей веры и блюстителем правоверия* (I, ст. 64). «В этих статьях наших законов оставляется за Государем Императором церковное верховенство по отношению к господствующей религии»⁶¹. Однако «права самодержавной власти касаются предметов церковного управления, а не самого содержания положительного вероисповедания, догматической и обрядовой ее сторо-

⁵⁶ А именно, издание 1912 г. (СПб.: Русское книжное товарищество «Деятели»), доступное в электронном виде на сайте <http://civil.consultant.ru/code/>.

⁵⁷ XVI т. – «Законы о судопроизводстве гражданском» – был добавлен в 1864 г. после судебной реформы.

⁵⁸ Тесля А. А. История законодательства о праве поземельной собственности в России с IX по начало XX века. 2004. Опубликовано в электронном виде <http://civil-law.narod.ru/wissled/teslya/zemsob/zs13.html>.

⁵⁹ См., например, об этом: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 38.

⁶⁰ Здесь и далее римской цифрой обозначается том.

⁶¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. Одесса: Техник, 1913. С. 160.

ны»⁶². Тем самым подчеркивалось, что Церковь занимала подчиненное положение в государстве, однако ее законы оставались непреложными и для самого царствующего монарха. Именно глава государства служил защитником и опорой православия, хранителем традиций, а его семья – образцом семейного союза.

Правовые понятия о браке и семье сложились в России главным образом на основе византийского светского и церковного права, в свете этого традиционные семейные ценности опирались на христианские понятия, брак рассматривался правом как «акт религиозный по преимуществу»⁶³. Правоведы были единодушны в том, что «Свод гражданских законов <...> отсылает к определениям церковного права и тем как бы признает, что брак есть учреждение, которое столько же, если не более, относится к каноническому праву, сколько и к праву гражданскому»⁶⁴.

Жизнь дореволюционной семьи подчинялась в большей степени установлениям Церкви, без участия Церкви не проходило ни одно важное событие в семье. Именно Церковь регистрировала рождения и смерти (см. илл. 1 и 2), заключение (X, ст. 25-33) и расторжение (X, ст. 37-56¹) браков (см. илл. 3), вела статистику (X, ст. 28, 34, 35, 78). Вопросами брака и развода занимались духовные суды (X, ст. 24, 33, 38, 73), кроме случаев, подлежащих ведению гражданских или уголовных судов (X, ст. 24, 33, 53). Здесь надо пояснить, что суды гражданские занимались исключительно имущественной стороной брака.

Законы о браке повторяли евангельские заповеди. Согласно «Своду» супруги обязаны были жить вместе (X, ст. 103), ср.: «...да приле-

пится [муж] к жене своей» (Мф. 19, 6)⁶⁵. Поддержка супругами друг друга в их совместной жизни была возложена на них самих, а не на государство, Церковь или какой-либо общественный институт (X, ст. 106, 107), ср.: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Гал. 6, 2). В основе закона лежали христианские идеи: «Муж обязан любить жену свою как собственное тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи» (X, ст. 106), «Жена обязана повиноваться мужу своему как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении» (X, ст. 107), ибо супруги-христиане не только «одна плоть», они близки друг другу и по духу. «близки Кровию Христовою» (Еф. 2, 13). Известный канонист⁶⁶ Н.А. Заозерский довел эти положения права до их логического завершения, соглашаясь с позицией видного швейцарского правоведа и государственного деятеля И.К. Блунчли в том, что «1) религия, поколику она не есть продукт государства, то и по существу своему независима от него; 2) религия исполняет человека божественным духом и соединяет бессмертную душу с Богом. Посему она никаким образом не есть какое-либо отношение человеческого права, но по существу своему принадлежит вечному и духовному царству, о котором Христос сказал, что оно не от мира сего»⁶⁷. Брачный союз, таким образом, выступал в глазах верующей части населения как этап к вечной жизни в ином мире, считался священным и нерушимым; ср.: «...что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 16, 6), «Кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится на другой, тот прелюбодействует, и женившийся на разведенной прелюбодействует» (Мф. 19, 9).

⁶⁵ Здесь и далее цитируется канонический перевод Библии, перепечатанный с издания Московской Патриархии (Библия. М.: Российское библейское общество, 1995).

⁶⁶ Канонист – ученый, занимающийся церковным правом (*ius canonicum*).

⁶⁷ Bluntschli, Johann Caspar. Allgemeines Staatsrecht. 2 B. München: Literarisch-Artistische Anstalt der J. G. Cotta'schen Buchhandlung, 1857. S. 251-253. Цит. по: Заозерский Н.А. Право Православной грековосточной русской церкви как предмет специальной юридической науки. М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1888. С. 47.

⁶² Градовский А.Д. Начала русского государственного права. Т. I. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1875. С. 151.

⁶³ Загорский А.И. Курс семейного права. М.: Гарант, 2003. С. 6.

⁶⁴ Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. С. 87.

Однако важно подчеркнуть, что на практике многие гражданские законы не выполнялись или «обходились». К началу XX в. общество секуляризировалось, а суды часто выносили мягкие приговоры. Например, в законе говорилось, что «родители не имеют права на жизнь детей, и за убийство их судятся и наказываются по уголовным законам» (X, ст. 170), однако известно, что «в 1910-е гг. только в Москве совершалось около 10 тысяч аборт в год. Менее 1% женщин, сделавших аборт, предстали перед судом, причем в 75% случаев они были оправданы»⁶⁸. Историей зафиксировано много других подобных примеров.

Тем не менее, когда государство пыталось совершенствовать семейное законодательство, чтобы, например, укрепить правовой статус наименее защищенных членов общества, оно сталкивалось с недовольством консервативно настроенного большинства. Подданные Российской империи, согласно свидетельству многих историков, были привержены сохранению традиционного уклада жизни и патриархальных ценностей, любые новации рассматривали как посягательство на автономность семьи.

Уже к началу XX в. некоторые правоведы (например, А.И. Загоровский) стали полагать, что семейные отношения в значительной степени публичны⁶⁹, уже в меньшей степени руководствуясь нравственно-религиозными соображениями, а сообразуясь с естественным порядком вещей. Однако историками права признавалось, что семейные отношения «по существу своему чужды сфере гражданского права. Сам граф

⁶⁸ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX в.). Т. 1. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 181.

⁶⁹ «Содержание отношений семейных в большинстве случаев дано самой природою, веления которой право только освещает и приравнивает к потребностям общества: в виду особой важности отношений семейных для общежития, предписания права, касающиеся их, имеют характер абсолютных, неизменных по частному произволу, норм, в противоположность отношениям имущественным, где частная автономия имеет полный простор. Поэтому нормы семейного права заключают в себе в значительной степени элемент публичный, тогда как нормы права имущественного запечатлены характером приватным» (Загоровский А.И. Курс семейного права. Одесса: Экономическая типография, 1902. С. 3.)

Сперанский чувствовал, что понятие об отношении слишком шатко, чтобы основать на нем систему права, и заменил его понятием о *союзе*⁷⁰. Союз предполагает совершенно иной уровень отношений, нежели имущественные. Можно добавить, что Церковь считает брак *таинством*, подразумевая особую природу его.

В результате к началу XX в. брачное законодательство сохранило в нетронутom виде строгую нравственно-религиозную основу законов о личных отношениях супругов, а либеральные правоведы добились множества уступок в сфере имущественных отношений супругов. С ростом имущественных прав увеличивались и права личности, однако процесс этот к началу XX в. только начинался⁷¹.

Ко всему вышесказанному важно добавить, что «русская церковь не играла и не стремилась играть той роли, которую играла западная церковь. Русские монархи никогда не испытывали на себе влияния папских булл, и православная церковь всегда оставалась подчиненным учреждением в государстве. Это сознание своей зависимости от государства церковь наблюдала и в деле брака»⁷². Еще при Петре I церковь превратилась в один из органов государства и с тех пор не воспринималась отдельно от него. Но, несмотря на то, что в начале XX в. она слабо справлялась с отведенной ей функцией защиты и регулирования семейной жизни, несмотря на отсутствие цельной позиции и политики внутри самой Церкви, она (возможно, неосознанно) выполняла еще одну очень важную роль – сдерживала вмешательство государства в жизнь семьи. И нельзя сказать, что государство не стремилось занять место Церкви в жизни семьи (взять контроль на себя), такие попытки делались.

⁷⁰ Мейер Д.И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2000. С. 86.

⁷¹ См. об этом: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX в.). Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 46.

⁷² Загоровский А.И. Курс семейного права. М.: Гарант, 2003. С. 39.

В наше время семья ослаблена, она дефрагментирована (вместо полной семьи получила распространение неполная), потеряла автономию⁷³ и целиком зависит от государства. «Буфера» в виде нравственно-религиозных ценностей между ней и государством нет. Нет традиционных нравственных ориентиров и в сознании большинства людей. То, что раньше запрещалось и наказывалось (например, прелюбодеяние/блуд), многими уже считается в порядке вещей. Это не означает, что в императорской России все было гладко – далеко не так. Однако демографические последствия утери традиционных семейных ценностей и автономии семьи мы уже начали ощущать.

Семья и нравственность

Некоторые правоведы конца XIX – начала XX в. выделяют не только религиозную, но и нравственную основу как основополагающую в семейном праве. Например, А.И. Загоровский выделял пять «элементов брака»: естественный (физиологический), нравственный (этический), экономический, юридический и религиозный⁷⁴.

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона приводится определение права в одном из курсов Регельсберга: «Правовой порядок есть произведение человеческого духа... продукт заложенного в людей нравственного побуждения к порядку в совместной жизни и образующегося в обществе разумного понимания жизненных отношений, моральной, экономической и социальной цели этих отношений. Право есть разумно-нравственное регулирование общественной жизни».

Под нравственностью мы также понимаем принятие на себя ответственности за свои поступки. Подразумевается, что нравственность основана на свободной воле, постольку нравственным может быть только

⁷³ О причинах и последствиях потери автономности современной семьей на примере Америки великолепно рассказано у А. Карлсона в его кн.: Общество – семья – личность: социальный кризис Америки. М.: 2003. С. 49-57.

⁷⁴ Загоровский А.И. Курс семейного права. М.: Гарант, 2003. С. 5.

свободное существо. Следовательно, мы признаем, что нравственность есть внутренняя установка индивида действовать согласно своей совести и/или согласно своим принципам.

Законы в Российской империи, как мы увидим ниже, были достаточно жесткими и регулировали в том числе и внутренний распорядок жизни в семье. Однако важно подчеркнуть, что, при всей кажущейся жесткости, во многих случаях они оставляли возможность для нравственного выбора человека.

Супруги

Характер личных отношений между супругами находится в тесной зависимости от общего культурного состояния народа, его исторических и национальных особенностей. Не являлась исключением и Российская империя.

В «Своде» были зафиксированы взаимные и особенные права и обязанности супругов.

К взаимным относились:

1. взаимное право и обязанность исполнения каждым супругом супружеского долга;
2. обязанность взаимной супружеской верности;
3. обязанность взаимопомощи, взаимной поддержки, материальной и моральной;
4. обязанность совместной жизни супругов.

Все эти обязанности, зафиксированные в законе, были направлены на укрепление института брака и стимулирование рождаемости.

Муж имел следующие особые права:

1. он считался главой семьи;
2. он имел право требовать, чтобы жена следовала за ним при перемещении им постоянного места жительства;

3. он имел право требовать от жены деятельности как хозяйки дома;

4. он имел право требовать, чтобы жена не нанималась на работу без его согласия.

Особые права жены таковы:

1. право на фамилию мужа;

2. право на все права и преимущества состояния мужа;

3. право на получение содержания от мужа;

4. право на охрану и защиту со стороны мужа.

Согласно «Своду» (X, ст. 107) главой семьи был муж, поэтому для регулирования и защиты общих интересов он имел решающий голос и наделялся особыми правами, например, жена и дети не могли устроиться на работу без согласия мужа (X, ст. 2202). По смерти отца все права родительской власти принадлежали исключительно матери.

Муж передавал своей жене более низкого сословия все права и имущества, сопряженные с его состоянием, чином или званием (X, ст. 100), был обязан любить ее и жить в согласии со своей женой, уважать, защищать и содержать ее в соответствии со своими возможностями (X, ст. 106). Жена не теряла права именоваться по званию мужа, даже если он был лишен всех прав своего состояния (X, ст. 101). Жена была обязана повиноваться своему мужу, пребывать к нему в любви и почтении, быть хозяйкой дома (X, ст. 107).

Законодательство признавало наличие тесной нравственной связи между супругами, поэтому, согласно Уставу гражданского судопроизводства, во избежание внутренней борьбы между долгом и привязанностью к супругу у них было право не свидетельствовать друг на друга в суде (XVI, ст. 371, п. 4).

Взаимная поддержка супругов, указанная в законе, представляла собой разделение труда по полу: муж содержал семью, а жена вела домашнее хозяйство.

Русское дореволюционное законодательство ставило своей задачей любой ценой сохранить брак, поэтому оно было самым жестким в Европе в вопросе совместного проживания супругов. Раздельное проживание супругов при отсутствии для этого законных оснований запрещалось, равно как и написание договоров, предусматривающих раздельное проживание (X, ст. 103, 1529, п. 1).

Имущественные отношения были построены на началах раздельности⁷⁵, поэтому заключение брака не влекло за собой установления общности супружеских имуществ (X, ст. 109) и каждый из супругов сам распоряжался своей собственностью (X, ст. 114). Супруги могли брать кредит друг у друга (X, ст. 117), передавать свое имущество друг другу (X, ст. 116), однако, чтобы распоряжаться имуществом другого супруга, надо было иметь акт, удостоверяющий право делать это (X, ст. 115).

В имущественной сфере наблюдалось полное равноправие супругов, которое сложилось лишь к XVIII в., однако это не соблюдалось в деревне даже в начале XX в., к примеру, по отношению к приданому, которое было важным элементом семейной жизни. В реальной жизни имуществом распоряжался чаще муж и, зная, что приданое жены, которое, по сути, являлось вкладом в семейный бюджет, ему не принадлежит (X, ст. 110), мог тратить его по своему усмотрению.

Необходимо также отметить, что полное имущественное равноправие было невозможно, т.к. очень сложно разграничить расходы внутри семьи, особенно если супружеская пара имела детей.

Поскольку и Церковь, и государство во всех случаях старались сохранить семью, то развод не поощрялся и был крайне затруднен. Согласно «Своду» развод допускался только в трех случаях:

– доказанное прелюбодеяние одного из супругов или его неспособность к брачному сожитию (X, ст. 45, 47-49);

⁷⁵ Полная имущественная независимость супругов была новаторством, и в этом вопросе русское законодательство опережало европейское.

– лишение одного из супругов всех прав состояния и его ссылка в Сибирь (X, ст. 45, 50, 52, 53);

– безвестное отсутствие одного из супругов дольше 5 лет (X, ст. 45, 54, 56, 56¹).

В каждом из этих случаев к разводу не принуждали, он оставался на усмотрение второго супруга и зависел только от его желания. Перед супругом осужденного вставал выбор – последовать в Сибирь и поддержать пораженного в правах или остаться и получить развод (X, ст. 50), продолжить жить с супругом, виновным в заключении второго брака при существовании нерасторгнутого первого или подать прошение о разводе (X, ст. 40).

Родители и дети

По воззрениям той эпохи, дети находились в естественной зависимости от родителей⁷⁶. Следствием этой зависимости являлись права родителей, с которыми были неразрывно связаны обязанности, т.к. родительская власть существовала не только ради интересов родителей. Она была направлена на защиту детей, а целью родителей было дорастить ребенка до времени, когда он сможет позаботиться о себе сам.

Дети имели следующие права:

- право на получение фамилии отца;
- право на получения прав состояния отца;
- местом жительства несовершеннолетних детей являлся родительский дом;
- право на причисление к вероисповеданию родителей;
- право на содержание со стороны родителей;
- право на защиту, в том числе в суде, со стороны родителей;
- право на получение воспитания и образования.

В дореволюционной России удовлетворение потребностей детей было возложено на родителей, однако и государство старалось поддерживать детей. В «Своде» четко прописаны права и обязанности родителей по отношению к детям. Отец передавал детям свою фамилию (X, ст. 125, 132²) и, согласно «Своду законов о состояниях», – права состояния (т. IX, ст. 39, 502, 536, 541, 710, 1015), причем повышение состояния родителей, по общему правилу, было в пользу детей, а понижение не влияло на их положение: лишение прав состояния не распространялось на детей, рожденных или зачатых до осуждения и лишения прав состояния (IX, ст. 11). Закон был настолько снисходителен к детям, что, согласно «Своду законов о состояниях», если отец получал чин или награждался орденом, дающим право на дворянство уже после смерти (по неведению о ней при награждении), то дети в обоих случаях становились дворянами (IX, ст. 42, 43).

В «Уставе о паспортах» отмечено, что до достижения совершеннолетия дети были обязаны жить с родителями (XIV, ст. 11). В этом отношении закон старался не разлучать детей с родителями, даже если те – преступники: согласно «Уставу о ссыльных», если супруг осужденного следовал в ссылку вместе с ним, то и дети отправлялись с ними, если в живых был только осужденный супруг и общество или родственники не брали детей на попечение, то они следовали за родителем (XIV, ст. 195-201).

Родители были обязаны содержать несовершеннолетних детей⁷⁷: давать им пропитание, одежду и воспитание по своим возможностям (X, ст. 172). Также родители должны были дать детям хорошее нравственное воспитание (семейное или общественное) (X, ст. 173), после чего определить сыновей на службу или в промысел, а дочерей – выдать замуж (X, ст. 174).

⁷⁶ Загоровский. А.И. Курс семейного права. М.: Гарант, 2003. С. 220.

⁷⁷ В отличие от стран Западной Европы, где детей могли содержать и родственники.

Согласно «Уставу гражданского судопроизводства» родители являлись представителями детей в суде (XVI, ст. 19) и могли подавать иски в случае обиды детей (X, ст. 175).

По закону родители не имели прав на жизнь детей и за их убийство подвергались уголовной ответственности (X, ст. 170), таким образом, законодательно аборт был запрещен. Родительская власть распространялась на детей обоего пола и любого возраста (X, ст. 164) и ограничивалась лишь при поступлении детей в общественное училище или на службу и вступлением дочерей в замужество (X, ст. 179). Прекращалась она только после смерти родителей или при лишении их всех прав состояния, если дети не следовали за ними в место ссылки (X, ст. 179).

В ст. 165 «Свода» сказано, что для исправления строптивых и неповинующихся детей родители имеют право применять «домашние исправительные меры». Если они оказались безрезультатными, родители вправе за неповиновение, развратный образ жизни и другие пороки детей, не состоящих на государственной службе, заключать в тюрьму и приносить на них жалобы в судебные органы. В этом случае перед родителями вставала нравственная дилемма, которую разрешали, исходя из собственных представлений о добре и зле. На практике, даже если родители и обращались в суд с просьбой о заключении кого-либо из своих детей в тюрьму, их просьбы практически никогда не удовлетворялись⁷⁸.

Дореволюционное законодательство не оставляло без внимания злоупотребления родительской властью и преступления по отношению к детям со стороны родителей, однако для государства защита целостности брака и интересов родителей была важнее. Предполагалось, что

отец, движимый христианскими идеалами, не будет злоупотреблять своей властью.

Родители не могли принуждать детей к участию в противозаконных деяниях (X, ст. 169). Если же родители вовлекали их в свои преступления посредством употребления своей власти или внушений, то согласно «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» они подвергались за это «высшей мере наказаний или взысканий», установленной законом для таких преступлений, даже если они не участвовали в них сами (XV, ст. 1587). За злоупотребление властью родители и опекуны подвергались лишению некоторых прав, заключению в тюрьму на срок от 8 до 16 месяцев, а христиане предавались еще и церковному покаянию (XV, ст. 1476). За умышленное развращение нравственности детей, сводничество родители подвергались наказанию от заключения в тюрьму на срок до 4 мес. до лишения всех особенных прав и к заменившим ссылку на житье в Сибирь наказаниям (Собрание узаконений 1900, № 67, ст. 1583, 993, 998). За причинение вреда здоровью и умственным способностям детей родители приговаривались к наказаниям, увеличенным на две степени по сравнению с обычными наказаниями (XV, ст. 1492).

За преднамеренное убийство беременной женщины полагалось наказание от 15-20 лет до бессрочной каторги (XV, ст. 1452).

Мы видим, что родители не при каких обстоятельствах не лишались своей власти над детьми, что было не всегда разумным. Правительство осознавало необходимость реформ в этой сфере, однако намерение изменить законодательство не было реализовано.

Обязанностей детей по отношению к родителям было меньше. Поскольку воспитание невозможно без послушания детей родителям, дети должны были почитать родителей и быть им послушными (X, ст. 179). Согласно «Уставу гражданского судопроизводства» им запрещалось свидетельствовать против родителей в суде (XVI, ст. 371 п. 3). Дети были обязаны содержать престарелых родителей (X, ст. 194) в соответст-

⁷⁸ Самым важным отличием русского семейного права от семейного права стран Европы было то, что родительская власть не прекращалась после достижения детьми совершеннолетия.

вии со своими возможностями. Согласно «Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями» несоблюдение этой обязанности влекло за собой заключение в тюрьму на срок до 3 мес. (XV, ст. 143).

В законе также прописывалась защита родителей от посягательств детей. За убийство отца или матери полагалось самое суровое наказание: бессрочная ссылка в Сибирь на каторгу и заключение в остроге без права ослабления условий содержания; срок каторги ограничивался только неспособностью осужденного к труду по старости (XV, ст. 1449). За причинение вреда здоровью и умственным способностям родителей дети приговаривались к наказаниям, увеличенным на две степени по сравнению с обычными наказаниями (XV, ст. 1492).

В «Своде» рассмотрены 4 категории детей:

- законные дети;
- дети от браков недействительных;
- внебрачные дети;
- усыновленные дети.

Вопросы усыновления и опекуна достаточно сложны, поэтому мы ограничимся их кратким рассмотрением.

Дети, рожденные в браке, признанном недействительным, получали все права детей законных (X, ст. 131¹) и оставались с родителем, невиновным в заключении незаконного брака (X, ст. 131²). Содержать ребенка обязаны были оба родителя, сообразно своим средствам (X, ст. 131³). После смерти родителя, у которого оставался ребенок, или в случае лишения его родительской власти, дети, если не назначался особый опекун, переходили под родительскую власть другого родителя (X, ст. 131⁶).

Внебрачные дети становились законными и получали все права законных детей в случае брака их родителей (X, ст. 144¹). Хотя прямо об этом нигде не говорится, внебрачные дети оставались с матерью и наследовали только имущество матери (X, ст. 132¹²). Ребенка, не достигшего

совершеннолетия, содержали оба родителя. В случае способности ребенка содержать себя самому или замужества (для дочери), родители могли прекратить содержание до наступления совершеннолетия (X, ст. 131⁵). Отец внебрачного ребенка был обязан содержать не только его, но и мать, если уход за ребенком лишал ее возможности зарабатывать себе на жизнь (X, ст. 131⁶, 131⁷). Отец, содержащий внебрачного ребенка, имел право надзора за его содержанием и воспитанием (X, ст. 131¹⁰) и мог быть назначен его опекуном в предпочтительном порядке (X, ст. 131¹¹).

Усыновлять детей позволялось лицам старше 30 лет, старше усыновляемого не менее чем на 18 лет и имеющим общую гражданскую правоспособность (X, ст. 146), у которых не было собственных детей (X, ст. 146) и которые не были обречены на безбрачие по сану (X, ст. 145). Усыновлять собственных детей можно было только при отсутствии собственных несовершеннолетних законных и узаконенных детей (X, ст. 150¹). Усыновлять детей-христиан позволялось только христианам, а нехристиан – нехристианам (X, ст. 148). Это было сделано с целью защиты детей от принуждений со стороны приемных родителей сменить вероисповедание. Для усыновления требовалось согласие родителей усыновляемого или его опекунов и попечителей, согласие обоих супругов-усыновителей и согласие самого ребенка, если он достиг 14 лет (X, ст. 149). Усыновленный получал все права законных детей (X, ст. 156¹).

Характерные черты русского семейного права

Русское законодательство уважало традиции и обычаи народов, проживавших на территории Российской империи, поэтому для разных губерний существовали разные законы, что было вызвано религиозными, культурными и географическими причинами. Так, например, для природных жителей Закавказья возраст вступления в брак для лиц обоего пола, указанный в ст. 3 и 63, был ниже на 3 года. Женам лиц православного вероисповедания, признанных пленными или пропавшими без

вести в результате русско-японской войны, разрешалось подавать прошение о разводе по истечении всего двух лет (X, ст. 56¹) вместо пяти. Для Лифляндской, Эстляндской, Курляндской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской губерний, природных жителей Финляндии, мусульман, лиц иудейского вероисповедания, буддистов действовали особые законы, касающиеся вступления в брак, прописанные с той или иной степенью детальности.

Можно утверждать, что дореволюционное семейное право было достаточно гибким, учитывало в первую очередь нравственно-религиозные отношения как основу поведения и взаимодействия людей, подчеркивало свободу выбора по многим нравственным вопросам.

Тем не менее, необходимо отметить, что некоторые правоведы заявляли о необходимости реформирования брачного права. Для этого имелись все возможности, однако помешала начавшаяся Первая мировая война.

Несмотря на кажущуюся статичность (некоторые положения сохранились с Соборного уложения 1649 г.) семейное право эволюционировало, и важность необходимых изменений осознавалась в том числе и правительством. Примером может служить проект закона, предлагавшего разрешить раздельное проживание супругов, рассмотренный А.И. Загоровским⁷⁹.

Развод и раздельное проживание были болезненными вопросами. Государство стремилось всеми силами защитить целостность брака как института, однако при этом не всегда существовали возможности для соблюдения этого условия. Согласно проекту супруги могли жить порознь в случаях жестокого обращения, тяжких оскорблений, некоторых болезней, развратной жизни, пьянства и мотовства одного из супругов.

В «Своде» отношения строились на основе разделения обязанностей и взаимного уважения членов семьи, основываясь во многом на идеях эпохи Просвещения⁸⁰.

Дореволюционные законы были рассчитаны на религиозных людей, следующих правилам, установленным Церковью. К сожалению, нередко эти законы не соблюдались, т.к. далеко не все следовали евангельским заповедям. У многих отсутствовал внутренний нравственный контроль и они злоупотребляли своей властью. Кроме того, некоторые понимали и трактовали нормы закона по-своему и применяли их в соответствии со своими представлениями.

Выводы

Все вышесказанное позволяет сделать некоторые выводы о семейной политике в России начала XX в.

⁸⁰ Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании. Книга V // Избранные сочинения. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы. 1961. С. 547, 552, 563, 665, 660. Гельвеций К.А. Об уме. М.: Государственное социально-экономическое издательство. 1938. С. 19, 20. Гельвеций К.А. О человеке, его умственных способностях и его воспитании. М.: Государственное социально-экономическое издательство. 1938. С. 65, 313. Гоббс Т. Основы философии. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1989. С. 365, 366. Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль. 2001. С. 139, 140. Кенз Ф. Естественное право // Избранные экономические произведения. М.: Издательство социально-экономической литературы. 1960. С. 331. Кенз Ф. Население // Избранные экономические произведения. М.: Издательство социально-экономической литературы. 1960. С. 180. Кенз Ф. Общие принципы экономической политики земледельческого государства и примечания к этим принципам // Избранные экономические произведения. М.: Издательство социально-экономической литературы. 1960. С. 495. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Т. 2. М.: Канон. 1995. С. 249. Condillac, Étienne Bonnot de. Le commerce et le gouvernement considérés relativement l'un à l'autre: ouvrage élémentaire. <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k87991x>. P. 213-4. Holbach, Paul Henri Dietrich. Éléments de la morale universelle, ou Catéchisme de la nature. Paris, Hachette. 1973 (Reprod. de l'édition de : Paris : G. de Bure, 1790.) P. 98, 99, 104-106, 110, 111. Монтескье Ш.Л. О духе законов или об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, торговле, и т.д., к чему автор прибавил новые исследования о законах римских, касающихся исследования, о законах французских и о законах феодальных. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева. 1900. С. 56, 113, 226, 259, 260, 265, 414. Локк Дж. Мысли о воспитании // Сочинения в 3 томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 306, 307, 412. Локк Дж. Два трактата о правлении // Сочинения в 3 томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 179, 294, 297-300, 364.

⁷⁹ Загоровский А.И. Курс семейного права. М.: Гарант, 2003. С. 156-159.

Вопросам семейной политики уделялось большое внимание, и к их обсуждению были привлечены лучшие умы своего времени – виднейшие ученые, мыслители, философы, историки, цивилисты, а не только государственные деятели.

Семейную жизнь регулировали два института: Церковь и государство. Церковь регулировала личные отношения, а государство – имущественные. Оба института поддерживали традиционные семейные ценности. Кроме того, Церковь защищала автономию семьи и не позволяла государству вмешиваться в жизнь семьи. Царская семья служила символом, образцом и опорой семейственности.

Брак рассматривался законом как комплексное явление, и признавались религиозная, нравственная, экономическая и юридическая составляющие брака.

Разделение обязанностей между супругами было четко прописано. Разделение ролей внутри семьи соответствовало традиционным представлениям. Родители имели широкие права и значительные обязанности по отношению к детям. Однако необходимо отметить, что, несмотря на всю жесткость, закон старался поддерживать наименее защищенных членов семьи – женщин и детей, как в имущественном, так и в моральном плане.

При этом закон был крайне гибок в вопросах материальной составляющей брака, а также учитывал географические, религиозные и другие различия. Хотя дореволюционное русское законодательство в целом отставало от западноевропейского, в некоторых вопросах (например, право распоряжаться собственным имуществом в браке) оно опережало его. Основной проблемой, с которой сталкивалось законодательство, было несоблюдение норм права, которое приводило к тому, что их потенциал не реализовывался полностью.

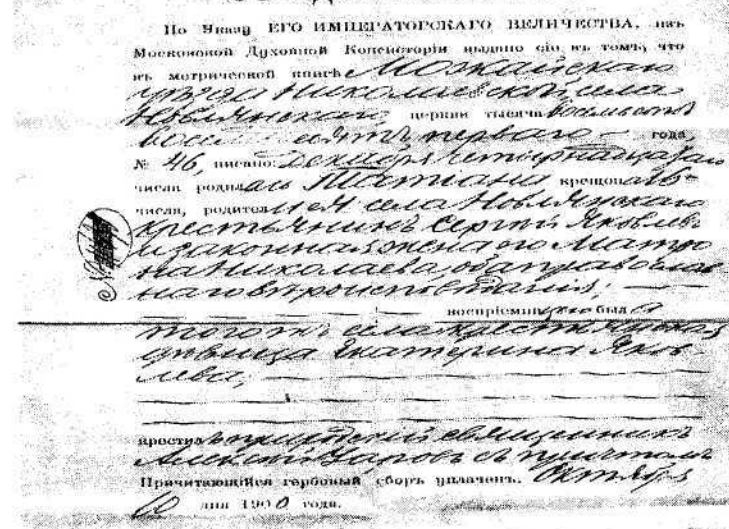
Исходя из всего вышесказанного, мы можем утверждать, что семейная политика в дореволюционной России достигала своих целей –

преобладали прочные брачные союзы, опиравшиеся на нравственные идеалы, семья была в основном независима от государства, поэтому решение вопросов, касающихся внутренней жизни семьи, было прерогативой самой семьи.

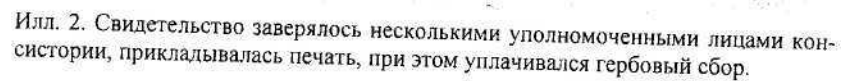
При этом важно отметить, что перенимать законодательную базу той эпохи (как предлагается рядом правоведов, в частности А.Б. Zubовым) нужно с крайней осторожностью, т.к. императорская Россия была аграрным государством. Консервативная патриархальная семейная политика была тогда наиболее уместна. В настоящее время образ жизни населения коренным образом изменился, поэтому перед принятием той или иной нормы необходим тщательный анализ последствий ее применения.

Приложение

СВИДЕТЕЛЬСТВО.

Илл. 1. Так на начало XX в. выглядело свидетельство о записи в метрическую книгу о рождении подданного Российской империи, выдаваемое духовной консисторией. Сами книги хранились в приходских церквях. (Фото из архива авторов.)

Узнав о том, что в селе св. угод. Матии
Сергиева сего 1911 году Пётр Иван, с женою по
рану первым браком с причисленным похороненным
при дворе царском (тоже сего Св. угод. Матии
Иосифовичем Руденко, что и удостоверяет
с приложением церковной книги (Московск.),
вотроизд. уезд. канцелярии, при Мещинском Покр
но, церкви св. угод. Матии, Иван Руденко,

*Владимир Владимирович
Безруков*

Илл. 3. В то же свидетельство при необходимости вносилась запись о дате и месте венчания первым и последующими браками (если они имели место), что заверялось уже печатью церкви, в которой совершалось бракосочетание.

Тышкевич В.П.

**Перспективные направления развития семейной политики в условиях социального рыночного хозяйства
(на примере Германии)**

При обосновании стратегии социально-экономического развития России в последние годы часто используется термин «социальное рыночное хозяйство» для определения стратегии развития.

Термин «социальное рыночное хозяйство» был введен в широкое обращение в послевоенной Германии в августе 1948 года, когда на съезде Христианско-демократической партии в городе Реклингхаузене Людвигом Эрхардом была провозглашена система хозяйствования, призванная целью которой было обеспечение благосостояния для немецкого народа. Эта экономическая и социально-политическая система, основы которой были сформированы во времена федеральных канцлеров Конрада Аденауэра и Людвига Эрхарда, получила название «*социального рыночного хозяйства*». Ее реализация позволила Германии в кратчайшие сроки восстановить экономическую и социальную сферу и уже к 60-ым годам 20 столетия стать одной из ведущих мировых держав по показателям социально-экономического развития.

Основными элементами концепции социального рыночного хозяйства определялись личная свобода, социальная справедливость и экономическая дееспособность.

Принципами социального рыночного хозяйства, по Эрхарду⁸¹, являлись: *самоответственность*, готовность человека взять на себя ответственность за свою судьбу: то есть, с одной стороны, — отказ от патернализма, сознательное принятие на себя каждым трудоспособным гражданином определенных обязательств по поддержанию и упрочению своего материального благополучия; с другой стороны, — готовность госу-

⁸¹ Эрхард Л. «Благосостояние для всех». М.: Начала-Пресс, 1991. Эрхард Л. «Полвека размышлений. Речи и статьи.» М.: Наука, 1996.